

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

Категории и механизмы
славянской культуры

ГИБРИДНЫЕ ФОРМЫ В СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУРАХ

УДК 316.73
ББК 63.5
Г46

Серия
«Категории и механизмы славянской культуры»

Редакционная коллегия:
Н. В. Злыднева (отв. ред.),
П. В. Королькова,
Д. К. Поляков

Рецензенты:
И. А. Седакова,
доктор филологических наук,
Н. А. Фатеева,
доктор филологических наук

Г46 **Гибридные формы в славянских культурах: Сб. статей / Отв. редактор Н. В. Злыднева. — М.: Институт славяноведения РАН, 2014. — 464 с.: ил. — (Категории и механизмы славянской культуры).**

ISBN 978-5-7576-0326-1

В сборнике научных статей сквозь призму феномена гибридности и текстов-гибридов на широком материале языка, литературы, искусства разных эпох рассматриваются характерные особенности «торячей» культуры славянского региона, а также России. Поднимаются проблемы переводимости сообщений, концептов и символов, явления «кентавров» исторической памяти, вопросы адаптации «чуждого», совмещения фаз и уровней культуры.

Книга составлена по материалам международной научной конференции «Проблема гибрида в славянских культурах», проведенной в Москве в 2012 году Отделом истории культуры Института славяноведения РАН. Обсуждаемые вопросы лежат в русле проблематики Отдела и касаются категорий и механизмов славянской культуры в динамическом аспекте.

Сборник предназначен для филологов-славистов, искусствоведов, культурологов, а также широкой гуманитарной аудитории.

УДК 316.73
ББК 63.5

На обложке: *цуфулин,*
гибридный персонаж словенских сказок, полуптица-полузаяц.

Москва
2014

© Коллектив авторов, 2014
© ИСЛ РАН, 2014

languages, см. [Bakker, Mous 1994; Matras, Bakker 2003]) – составленные «из разл. частей языков-источников, при этом б. ч. лексика взята из одного языка, а б. ч. грамматич. структур – из другого» [Головки 2007: 137], к которым в настоящее время относят такие идиомы, как медновско-алеутский язык, мичиф, медиа-лентва и ряд других (об идиомах, проявляющих тенденцию к смешению, см. [Хентшель 2013: 70–74]).

Однако языковые контакты, несмотря на их возможную хронологическую протяженность, не обязательно приводят к складыванию устойчивых образований, характеризующихся постоянными признаками на всех участках языковой системы, как это происходит в случае смешанных языков. Такие контакты могут быть взаимными или односторонними [Гавранек 1972], но оба контактирующих идиома, в результате конвергенции, возможно, претерпевая даже структурные изменения, при этом не скрещиваются и не формируют в итоге смешанный код. Один из частных случаев таких контактов – функционирование переселенческих говоров в иноязычном окружении.

Ниже мы рассмотрим черты гибридности в говоре потомков чешских переселенцев второй половины XIX в. на Северном Кавказе, прошедших путь от чешского одноязычия к полному чешско-русскому двуязычию, причем в наши дни можно констатировать их постепенный переход от чешско-русского двуязычия к русскому одноязычию. Переход чешского говора от старшего поколения к среднему и младшему прекратился: представители последнего способны лишь воспринимать диалект, но не продуцировать высказывания на нем (историю данной этнической группы и относящиеся к ней современные социолингвистические данные см. в т. ч. в [Скорвид, Поляков 2013: 305–306; Скорвид 2014: 45–46]).

Рассматриваемый переселенческий говор на протяжении уже почти полутора веков находится в окружении русского языка, влияние которого как престижного идиома с течением времени все более возросло, тогда как связи с метрополией, первоначально достаточно интенсивные, были ослаблены, а в некоторые периоды, например, в 1930-е гг., полностью прерваны. Эти факторы и связанные с ними частные процессы (увеличение количества смешанных чешско-русских и чешско-украинских браков, миграции населения, неодобрительное отношение к использованию чешского языка в быту со стороны школы и др.) привели к расширению контактов данного чешского говора с русским языком, который стал для говора языком-донором, и – как следствие – их возрастающей интерференции. Влияние русского языка на описываемый чешский идиом заметно на всех языковых уровнях. (В русскоязычном узусе северокавказских чехов можно наблюдать и об-

Д. К. Поляков
(Москва)

Интерференционные процессы и гибридность в переселенческих говорах

Термин «гибрид» при наличии неодинаковых его толкований в языкознании во всех случаях сохраняет свой семантический инвариант, неизменно обозначая результаты взаимодействия двух и более объектов разного происхождения (ср. сформулированное в биологии исходное определение гибрида: «половое потомство от скрещивания двух генетически различающихся организмов» [БСЭ 1971: 453]). Наиболее распространено из бытующих в лингвистике прочтений данного термина такое слово, которое включает генетически различные морфемы – собственную и заимствованную либо заимствованные из разных языков (иначе говоря, «скрещенное» слово, составленное из разноязычных элементов» [Ахманова 1966]). О таких гибридах в славянских языках см., в частности, [Смирнов 1988; Смирнов, Стрекалова 1986; Fortmašje 1986; Martincová, Savičková 1987]).

Понятие «гибрид» используется также и на более абстрактном – грамматическом – уровне, применительно к разрядам слов, совместившим в себе свойства других разрядов: так, по крайней мере в русистике известна трактовка причастий и деепричастий как гибридных (смешанных) классов слов – соответственно, глагольно-адъективных и глагольно-адвербиальных ([Виноградов 1986], развитие этой идеи – в [Лекант 2006]).

Данный термин, однако, может быть применен не только для характеристики элементов словообразования или грамматики, но и по отношению к целым языковым образованиям. Языковой материал, иллюстрирующий саму идею «смешения», или гибридности, чрезвычайно обширен: взаимный контакт языков всегда являлся и продолжает являться одним из механизмов развития каждого из них. Как писал уже Мартине, «не будет преувеличением сказать, что взаимовлияние языков – один из самых могучих стимулов языковых изменений» ([Martinet 1952], цит. по [Мартине 1972: 83]). В результате такого контакта могут появляться столь обширные очаги регулярного взаимодействия, что в них может складываться новый идиом с собственной нормой. Это могут быть как интердиалекты / региолекты (при контакте разных идиомов внутри одного этнического языка), так и т. н. «смешанные языки» (mixed

ратное влияние, проявляющееся, однако, в гораздо меньшей мере, ведь если русский язык универсален для любой коммуникативной ситуации, в которой оказывается носитель чешского говора, то последний используется лишь ограниченно.)

Результатом данной интерференции, обусловленной субдоминантным положением чешского говора, и является наличие в нем многочисленных русско-чешских гибридных образований (ср. подобное явление в говорах сибирских поляков [Ананьева 2013: 474]). Процессы гибридации всегда протекают параллельно процессам адаптации заимствований (в каких-то случаях возникновение гибридов может являться и одним из этапов адаптации), но если вследствие адаптации русизмы встраиваются в фонетическую, словообразовательную, грамматическую системы идиома-реципиента с постепенным их освоением и устранением черт иноязычности, то гибридация, напротив, приводит к восприимчивости идиома-реципиента черт идиома-донора. В нашем случае она заключается в приобретении фонетически чешскими лексемами признаков русской фонетики, словоизменения и особенностей функционирования, характерных для русского языка. Иными словами, гибридация непременно меняет исходную систему идиома-реципиента на различных ее участках, стимулируя их перестройку и способствуя возникновению некоего нового состояния всей системы.

Далее анализируются наиболее распространенные проявления гибридации в северокавказском чешском идиоме на фонетическом, словообразовательном, морфосинтаксическом и текстовом уровнях, а также соотношение гибридации и адаптации на этих уровнях. Материалом исследования послужили записи говора, осуществленные во время экспедиций на Северный Кавказ (ср. Кирилловка и Варваровка в составе муниципальных образований Новороссийск и Анапа) в 2009–2013 гг. исследовательской группы РГГУ (рук. – С. С. Скорвид) с участием автора статьи; полный список информантов см. в [Скорвид, Поляков 2013: 306].

Анализ фонетики говора демонстрирует, с одной стороны, приспособление многочисленных лексических русизмов к звуковой системе чешского идиома – как в соотношении отдельных слов, так и на уровне фразы. Основные признаки такой адаптации на уровне слова – постановка ударения на первом слоге и отсутствие редукции в безударных слогах (*kolchozi* ‘колхозы’; *sočín’ili* ‘сочинили’ и мн. др.), которые, однако, не всегда взаимосвязаны, ср. *naši vojákí tam ochran’Ali* ‘солдаты там охраняли’ с сильным ударением русского типа на предпоследнем слоге (здесь и далее отмечаемым заглавной буквой), но с отсутствующей редукцией предударных гласных. Результатом адаптации является также

замещение некоторых русских звуков более характерными для чешского языка: это, например, замена *p’* → *ř* (*řepodávái* ‘преподавали’; *řízváli* ‘призывали [в армию]’; *řívíklí sme* ‘мы привыкли’) или замена мягких губных согласных йотированными твердыми: *v’ e* → *vje* (*projeđat* ‘привесть’ и т. п.). Все эти и другие проявления фонетической адаптации русизмов, однако, представлены непоследовательно. В речи носителей говора распространены как «цитатные», так и частично адаптированные русизмы, ср.: *christiánskej pravoslavnyj* [štrám] ‘христианский православный [храм]’ (в обоих прилагательных сохраняется русское сильное ударение, при этом первое получает чешское окончание, второе же остается целиком не адаптированным); *uš to zapřel’ili* ‘это уже запретили’ (при чешском ударении на первом слоге *p’* не субтитируется через *ř*, а замещается твердым *r*) и др.

С этой непоследовательностью связано и появление гибридных явлений. Гибридация здесь заключается в устойчивом функционировании в фонетической системе говора звуков и звукосочетаний, характерных для языка окружения (исторически, кроме русского языка в диалектной форме, свой вклад в это внес смешанный украинско-русский идиом, известный под названием «балачка»), которые проникают и в собственно чешские слова. Так, по наблюдениям С. С. Скорвида, по-разному реализуется в говоре фонема /v/ – либо как губно-зубная звонкая, с оглушением перед глухими согласными, либо как губно-зубная сонорная, которая может быть представлена губно-губными вариантами [u] и [w], альвеолярная сонорная /l/ может реализовываться также как твердый зубной [l] (как в русском языке), фонема /i/ имеет в определенных позициях аллофоны [y] и украинского типа [ɪ] (подробнее о вокализме и консонантизме говора см. [Скорвид 2013: 557–560]). Несмотря на то, что те или иные аллофоны чаще всего позиционно обусловлены, их возникновение не является строго закрепленным и обнаруживает признаки лексикализации, т. е. зависимость от конкретной лексической единицы.

В области словообразования в исследуемом говоре также отражены два противоположных типа взаимодействия идиома-донора и идиома-реципиента: это комбинация генетически русского корня с чешским словообразовательным формантом и наоборот, образование производного слова от чешского корня с использованием русского деривационного элемента либо по русской словообразовательной модели. Вследствие генетической близости чешского и русского языков, наличия в них схожих способов словообразования и совпадающих аффиксальных формантов в говоре относительно редко словообразовательные гибриды в традиционном понимании, состоящие из морфем разного происхождения. К гибридации здесь, однако, можно отнести

и явления переноса русских словообразовательных моделей на чешскую почву, т.е. заимствование не столько словообразовательного форманта, сколько целой модели.

Так, в глагольном словообразовании говора наблюдается калькирование русских приставочных глаголов совершенного вида (в т.ч. с ограничительно продуктивными для чешского языка приставками *za-* и *po-*). В рамках чистовидовых пар обращает на себя внимание наличие приставочных образований у модальных глаголов, в чешском языке на основной территории его распространения не присоединяющихся приставки и являющихся двувидами: *nesmůžou pracovat* 'не смогут работать'; *nesmohla sem* 'я не смогла'; *jeden to nestoch bi udělat* 'один не смог бы это сделать'; *ona so zachce, to i dělá* 'она что захочет, то и делает'. В основном калькирование распространено особенно в области глаголов начинательного, ограничительного и дистрибутивного способов действия: *došel, a tadi zastonal i umřel* 'дошел, а здесь заболел и умер'; *zahořela se votka sama* 'загорелась водка сама'; *s sen'abr a m' esice do mártá požil i umřel* 'с сентября месяца до марта пожил и умер'; *požili tam, ponasázeli si co chtěli* 'пожили там, понасажали что хотели'; *ti starí fšechni poumřirali* 'эти старики все поумирали'; *rovimřirali* 'повымирали'.

Такое калькирование, однако, затрагивает не только вышеуказанные типы, ср. другие примеры: *v lager u já sem se roznámila s mojim tanželem* 'в лагере я познакомилась с моим мужем' (чеш. *seznamit se*; замена приставки либо вторичное образование глагола от того же корня *znám-* 'знаком-' под очевидным влиянием рус. *познакомиться*); *a já ešte povídám: m, mi je f Praze pomn'en'ime, a ona se smn'eje a rovidá: ne, vi je i f Praze nepomn'en'ite* 'а я еще говорю: ну, мы их в Праге поменяем, а она смеется и говорит: нет, вы их и в Праге не поменяете' (чеш. *vyměnit*, рус. *поменять*); *a ten jeden <...> m, vížil* 'а один там ну, выжил' (чеш. *přežít*); *tak sem tam víčela* 'так я там вычитала' (чеш. *přečíst* 'прочитать', точное чешское соответствие рус. *вычитать* не существует); *von ke m' e podešel, načal mluvit* 'он ко мне подошел, начал говорить'.

Более сложным случаем является образование производных имперфективов одновременно по формальной чешской модели и по аналогии с русским направлением мотивации. Здесь имеет место не просто подстановка русской приставки, как в вышеприведенных примерах, но «вторичное» образование глагола по готовой модели, ср.: *Božena mluvila, tak sem nechtěla přebíjet* 'Божена говорила, и я не хотела перебивать'. Глагол *přebíjet*, в чешском языке в данном значении отсутствующий, образован как калька русского *перебивать* — но с использованием собственно чешских формантов (приставка *pře-* и корне-суффиксальной части *-bíje(t)*), скорее всего по аналогии с глаголами типа *rozbíjet* 'разби-

вать', *zabíjet* 'убивать' и т.п. Также в примере *i Kirllka k mjestu se omáší* 'и Кирилловка к городу относится' имперфектив образован одновременно по аналогии с чешскими глаголами типа *odnášet* 'относить' (приставка получила русифицированное оглушение) и русским *относиться* (к чему-то) 'принадлежать'; аналогично в контексте *pro Rusko tam dělají takovi afa... tam druhí nevůdržijou* 'для России там делают такие машины... там другие не выдерживают' отсутствующее в чешском языке образование **vydržovat* возникло одновременно как калька рус. *выдерживать* и по модели чешских имперфективов типа *zdržovat* 'задерживать', *udržovat* 'поддерживать' и т.д.

В целом же появление гибридов в глагольном словообразовании исследуемого идиома, кроме расширения функционального диапазона части префиксальных формантов, способствует заполнению лакун, при этом к тому, что в говоре, вслед за русским языком, словообразовательными средствами начинает выражаться семантика, которая в чешском языке на его основной территории объективируется лишь лексическими показателями и контекстом.

В северокавказском чешском говоре закрепился также заимствованный из идиома-донора способ образования составных порядковых числительных. Из двух моделей, возможных в чешском языке метрополи, от единиц к десяткам или от десятков к единицам (при этом во втором случае обе части числительного склоняются), в говоре выбирается модель, изоструктурная русской, т.е. от десятков к единицам, причем в первой части порядковое числительное замещается количественным: *do padesát šisťho ldyer* 'и 'в пятьдесят шестой лагерь'; *v dvacet sidmim roku* 'в двадцать седьмом году'; *f padesat štvrtim nebo padesat sidmim* 'в пятьдесят четвертом или пятьдесят седьмом'; *voj třicet pátej, šisťtej rok já už si potatiju pjekn'e* 'вог тридцать пятый, шестой год я уже помню хорошо'; *f sedumdesát nákim roku* 'в семьдесят каком-то году'. Тоды в данном говоре вообще обозначаются по русскому образцу: *f'isic vosum set sedesát vusmim roku* 'в тысяча восемьсот шестьдесят восьмом году'; *asi f třicet sidmim roku* — *vit?* — *bilo, v devjetset třicet sidmim, jak sem ti Cíkán i přijeli* 'где-то в тридцать седьмом году — да? — это было, в девяносто тридцать седьмом, когда сюда цыгане приехали'. Говорящий, называя год, может даже просто перейти на русский язык: *A tatínka (mího) f třicet sidmim hodU jag zabrali* — *i js' o* 'А папу моего в тридцать седьмом году как за-брали — и все'.

Последовательно используется русский словообразовательный формант при образовании наречий типа *по-чешски*: *já málo rozumim po česki* 'я мало понимаю по-чешски'; *privikli sme už tak po ruski* 'мы уже привыкли так, по-русски'; *já po n'emecku mluvil* 'я по-немецки говорил';

mi mluvíme tadi po kirliskí ‘мы здесь говорим по-кирилловски’. Модель наречий с *po* настолько устойчива, что в диалоге с интервьюером ин-формант не реагирует на литературную чешскую лексему-стимул: *Děti taky mlúví česky? – Jó, děti taky mlúvjejí po česki* ‘Дети тоже говорят по-чешски? – Да, дети тоже говорят по-чешски’¹. Также из русского языка заимствовано наречное выражение *po-моему*, воспроизводимое как «цитатно» (*po mojemu*, *Volkov* ‘по-моему, Волков’), так и с чешской формой притяжательного местоимения 1-го л. ед. ч. в дательном (*po mimu on se nevrátil* ‘по-моему, он не вернулся’ – очевидная калька) и нормативном для чешского языка метрополии предложном падеже (*po mim ne* ‘по-моему, нет’).

Морфология говора демонстрирует различное соотношение адаптации и гибридации на разных участках системы (т.е. для разных частей речи, отдельных грамматических категорий и даже словоизменительных типов). Так, в склонении имени существительного чешские флексии, в целом преобладающие, в некоторых случаях конкурируют с русскими. Наибольшей последовательностью отличается морфологическое поведение заимствуемых из русского языка существительных среднего рода на *-ce*, *-ve*: в говоре они приобретают изоструктурное чешское окончание *-i* (с возможной краткой реализацией), характерное для собственно чешских существительных среднего рода (*von tam dělal f pravení* ‘он работал там в правлении’; *profi řečEní* ‘против течения’; *upřEdu bilo takle veliki sidEni* ‘впереди было такое большое сидение’; *žemská tak m’ e vn’imAn i udeřá* ‘женщина так уделяет мне внимание’; *dostal vospalEn i lochkich* ‘получил воспаление легких’). Заметим, что это происходит даже при частичном сохранении фонетического облика исходной лексемы и неадаптированности ее ближайшего окружения, ср. *lochkich* в последнем примере. Точно так же устойчиво оформляется одно заимствованное существительное среднего рода на *-o* – лексема *hozájstvo*, например: *a m’ eli... nu f chuzajství takoví šesko* ‘и было... ну, в хозяйстве у них все было’ (в чешском языке метрополии *hosprodárství*, откуда мог быть перенесен суффикс; ср., однако, *mi sme se v d’ectv’ e znali... aha... mi sme se znali z dětva* ‘мы в детстве знали друг друга... ага... мы с детства друг друга знали’ при чеш. *dětsvtv*).

Меньшей регулярностью характеризуется у заимствованных существительных распределение флексий «мягкой» и «твердой» разновидности склонения, в чем можно усматривать влияние русского языка, где су-

¹ Впрочем, в одном идиоме, отличающемся в целом меньшим влиянием русского языка (информантка после 1945 года некоторое время жила с мужем в Чехословакии), встретился привычный для чешского способ образования такого наречия без *po*: *německí vola gozumn’ela* ‘по-немецки она понимала’.

ществительные с твердыми и мягкими финалями основы имеют схожую парадигму, ср. *vodzeli do HermAn ije* ‘отвезли в Германию’; *má familiji Čech* ‘у нее фамилия Чех’; *tadi š sou ti nácije* ‘тут вот эти нации’ (окончания «мягкого» типа), но *ze svoji simjOci* ‘со своей семьей’; *do tej armiji* ‘в эту армию’; *f konce roka* ‘в конце года’ (окончания «твердого» типа).

Таким образом, усвоение русизмами окончаний, характерных для структурно аналогичных собственно чешских существительных, в данном говоре нельзя считать последовательным. В одних и тех же падежных формах они могут иметь как чешские, так и русские окончания, и эти колебания не удается объяснить особенностями идиомов, хотя и этот фактор здесь действует. Неустойчивость набора флексий проявляется у таких существительных даже в рамках одного высказывания, часто имеющего характер «смешанного текста». Ср.: *na ten svátek d’esAnn ikoř von i tam bili a nekolik jich tech d’esAnn iku vopilejch poděšli...* ‘на этот праздничный десантников они там были, и несколько этих десантников пьяных, подошли’, где в одной фразе следуют друг за другом две формы род. п. мн. ч. фонетически не адаптированного существительного *desanťnik*, получающие двойное окончание: русское (с редуцированным гласным в заударном слове) и чешское (*-i*, сокращенное из *-i*); *hdo je na Daln i m vosŤoku*, *hdo je na KamčAtik’e*, *na Sachalnu*, *vo Vladivostok’e*, *na S’ev’eru...* ‘кто на Дальнем Востоке, кто на Камчатке, на Сахалине, во Владивостоке, на Севере...’ – здесь также выступает русская форма предл. п. ед. ч. названия города *Vladivostok* в «цитатном» сочетании с предлогом, имеющим русский фонетический облик, наряду с одноименной формой воспроизведенного с русским ударением существительного *vostok*, которая получает чешское окончание.

Русские прилагательные, субстантивированные прилагательные и причастия хорошо адаптируются системой говора, распределяясь по «твердой» и «мягкой» разновидностям склонения: *duchovej orkEstr* ‘духовой оркестр’; *mos to bilo žestOkí* ‘очень это было жестоко (букв. – жестоко); *takoví... lit’erturní slova* ‘такие... литературные слова’; *prošlim letem* ‘прошлым летом’; *von žil vedle vozgálu turotto(ho)*, *železnodorOžního* ‘он жил возле вокзала этого, железнодорожного’; *horockího típa* ‘городского типа’; *slatki sem m’ela ráda* ‘сладкое я любила’; *trudovou votel neval* ‘трудолюбую отгула не взял’; *virOsi takováE*, *m... lochmatí* ‘выросли вот такие, ну... лохматые’; *bili ruskí plenni* ‘были русские пленные’; *von zamoroženej takovej* ‘он замороженный такой’. В систему склонения «мягких» прилагательных на *-i* встраиваются заимствования на *-i* (с предшествующим мягким согласным): *vonu babičku m’ela nastojAšči* (с чешского ‘у нее бабушка была – настоящая чешка’; *vlak jezďil... jak říkalo se jemu robočí vlak* ‘поезд ходил... как его называли, рабочий поезд’; *hledal*

krajin'ho... 'искал крайнего'. Чешские стяженные окончания у прилагательных встречаются даже в русскоязычных фрагментах высказываний информантов: *Na mašinu sme ji nevzali*. <...> *Трехтонная машина – mi sme ji nevzali* 'На машину мы ее не взяли (т.е. пойманную рыбу не могли погрузить. — Д. П.). Трехтонная машина — мы ее не взяли'.

Изменения в системе именного склонения, вызванные контактами говора с идиомом-донором, касаются и грамматических категорий, в первую очередь — одушевленности / неодушевленности, являющейся одной наиболее ярких пример категорий гибридного характера в исследуемом говоре. Под влиянием языка-донора здесь началась перестройка исходной системы, которая, однако, не завершилась полным усвоением чешской категории одушевленности русской, но как бы застыло на промежуточном этапе (подробнее см. [Скорвид, Поляков 2013: 313–324; Скорвид 2013: 560–565; Скорвид 2014: 54–55]).

Иного рода гибридность демонстрирует категория числа, структурные особенности которой в чешском и русском языках схожи. Конвергенция здесь проявляется в области функционирования: чешский говор под влиянием русского языка часто выбирает сингулярное обозначение множества там, где чешский язык метрополии тяготеет к плюральности, ср. *uš N'emes tadi nejn' i* 'немца здесь уже нет'; *a volno tolika ribi je... i aš hrneE ta riba pŕet sEbou vodu* 'и там столько рыбы... и эта рыба аж толкает впереди себя воду'.

В глагольном словоизменении интерференция чешского говора с языком окружения не приводит к перестройке собственно чешских моделей спряжения. В частности, в презентных формах глаголы, заимствованные из русского языка, регулярно получают окончания, характерные для чешских глаголов: *stori vážou a ložeji zhnata do prosŕetku* 'снопы вяжут и укладывают зернами в середину' (← разг. *ложат*); *řikaji, že lidi břešŕi* 'говорят, что люди брешут'; *jesli vi todle hnet nepřekráŕite* 'если вы это сейчас же не прекратите'; *volno se to nepolučá* 'это не получается'; *tam ŕazučate českej jazik?* 'там изучаете чешский язык?'; *aŕ přijíždŕi i aŕ robotá* 'пусть приезжает и работает'; *to pos' efen' ije, (v)ono sšŕúá se selO* 'это поселение, оно считается селом'; *řecki se vŕokazujuu, nechiŕeji* 'все отказываются, не хотят'; *Kolŕa se tam polzuje* 'Коля там пользуется'.

В то же время гибридность глагольной системы говора на структурном и функциональном уровнях ярко проявляется в области модальности. Особенно заметным здесь представляется образование по русской модели императивных форм, в первую очередь — аналитической инклюзивной формы с компонентом *daвай(me)*, который выступает либо в виде «цитатной» вставки, либо (чаще) в чешском облике *dávej(ŕe)*: *vot dávAjte budeme hnet coufat* 'вот давайте сразу двинемся назад'; *tak vot dávejŕe...*

vot nač'n'eme to počŕtat 'так вот давайте... вот начнем это считать'; *ni, dávejŕe si vypijem* 'ну, давайте выпьем'. Смысловой глагол, если он был употреблен ранее, может быть опущен, ср.: *Láďa, ni bratr bil, povídá: Maruš, dávej se pŕŕŕnámŕe* <...> *a já říkala: dávej babičku poprosímŕe!* <...> *a von pá: ni láďno, dávej pá...* 'Ладя, ну, брат был, говорит: Маруш, давай признаемся <...> а я сказала: давай бабушку попросим! <...> а он говорит: ну ладно, давай, говорит' (ср. также [Скорвид 2014: 54]). Как и рус. *давай(me)*, соответствующая чешская форма может выступать в качестве формулы прощания: *Nu dávejŕe, zbohem vám* 'Ну давайте, с богом'.

Влияние русского языка, далее, обнаруживается в чрезвычайно широком — по сравнению с чешским языком метрополии — употреблении форм императива 2 л. глаголов несовершенного вида. Формально вполне корректные с точки зрения чешского языка образования демонстрируют в говоре функционирование, типичное не для чешского, а для русского узуса, ср.: *pŕijíždŕeje k nám* 'приезжайте к нам' (чеш. лит. *pŕijedŕe* — сов. вид); *ti pŕŕŕn' i načŕnej* 'ты первый начинай' (чеш. лит. *začŕni* — сов. вид); *pŕečházejŕe jako do českej armŕji* 'переходите в чешскую армию'. Балансирование между чешским и русским узусом наблюдаем во фразе *vostan ŕe tadi, vibŕ' eje si, jakŕi chcete, staven' ŕi* <...> *i vŕstan ŕe tadi žŕit...* 'оставайтесь (оставайтесь) здесь, выбирайте дома, какие хотите, <...> и оставайтесь (оставайтесь) здесь жить': здесь комбинируются присущее чешскому употреблению глагола сов. вида (*vostat*, чеш. лит. *zástat*; в русском предпочтительнее *оставайтесь*) и функциональный русизм *vŕbŕejŕe si* (в чеш. лит. скорее сов. вид — *vŕberte si*).

Колебания между чешским и русским видоупотреблением отмечаются в исследуемом говоре не только в императиве, но и в других наклонениях. Прежде всего речь идет о широком употреблении форм несов. вида. В индикативе глаголы несов. вида часто выступают в общедиагностическом значении — там, где чешский узус предполагает употребление перфективов: *rodŕce uš to vjedŕeli, pŕečhážŕš domŕi* — *uš si dostal* 'родители уже знали, приходишь домой — и получаешь' (букв. *получил*); *a pak sem zas pŕijíždŕeli, já sem zapomŕi eŕa mena* 'и потом они снова сюда приезжали, забыла имена'; *dŕeti — a pŕijíždŕi, vot pŕijela ta nejstarŕi čera, teŕ je šedesát ŕŕiri roki, tak pŕijíždŕela, aha* 'дети — а приезжают, вот старшая дочь приехала, ей 64 года, а приезжала, ага'; *a pak zas vŕtkrejvali fkeřim roku hran' ŕci* 'и потом снова открывали в каком-то году границу'. В трех последних примерах глаголы несов. вида объективируют однократное действие в прошлом.

В области выражения модальности в говоре широко бытуют также заимствованные из русского языка предикативы *nado* / *nada*, *možno* (без глагола *byŕ*, в отличие от чеш. книжн. *je možno*), реже — *nelz' a*, в конст-

рукции с инфинитивом или без него, которые конкурируют с сохраняющимися употребительными личными модальными глаголами (соответствующими лит. чеш. *mušet, mít, moci, smět*): *nado ho bilo uš uklízet* 'надо его было уже убирать'; *no kravička... ji nado i dojit, krmít, řsechno nado bilo d'elat* 'ну корова... ее надо и доить, кормить, все надо было делать'; *nebudeš d'elat to, co ne náda* 'не будешь делать то, что не надо'; *vi š ste uš to nezastali <...> nu i an' i ne nado* 'вы же это уже не застали <...> ну и не надо'; *možno sem i za rok přijet* 'можно сюда и за год доехать'; *možno bilo koupit* 'можно было купить'; *roum' e n' ihde nelz' A bilo jit* 'прямо никуда нельзя было пройти'. Их закрепление в говоре приводит к перестройке системы средств выражения модальных значений — к возникновению гибридного состояния, промежуточного между чешским и русским.

С распространением модальных предикативов этого типа сопряжено важное изменение в синтаксической системе говора, где под влиянием языка окружения вообще возрастает доля безличных конструкций, в том числе с инфинитивом, способным нести модальное значение и без дополнительно эксплицирующих его слов типа *nado*, и других. Ср. примеры: *já nevedel, hdá spát, hdá nesprat* 'я не знал, когда спать, когда не спать'; *uš vim, jak to d'elat* 'уже знаю, как это (с)делать'; *co bilo lidem d'elat — stejn' e, hde umírat* 'что было людям делать — все одно, где умирать'; инфинитивная конструкция с начальным значением: *a v MelitOpole <...> nalitli samalOti, načali vagzáI bombít, N'emci uř'ikat* 'а в Мелитополе <...> налетели самолеты, начали вокзал бомбить, немцы — бежать'; инфинитив со значением цели, в том числе в придаточном предложении: *Buráčku sem nasázel, hod'e. Fíáci krmít — moc pjekn'e. Namíel, mouku do toho — i fs' o* 'Я свеколок посадил, много. Птиц кормить — очень хорошо. Смолот, муки туда — и все'; *potom nás rostavivali, koho na kachin' tam čist'it' brambori a k tomu řezat dříví a takoví* 'потом нас расставляли, кого на кухню там чистить картошку, а кого колоты дрова и все такое'; *von dával takí zrnno kon'ím, abí krmít je* 'он еще давал зерно лошадям, чтобы их кормить'. Употребление инфинитива в придаточных предложениях с союзами цели *abí* и условным *hdíbi* (по образцу русских с союзами *чтобы* и *если бы*) — одна из ярких синтаксических черт, отличающих исследуемый говор от чешского языка метрополии, где в таких случаях возможны только формы сослагательного наклонения; ср. в предложении с оппозитивным оттенком: *sem hdíbi se sebrat... nu asi deset pjekn'ejch klucí, možno uđelat* 'сюда если бы собрать, ну человек десять хороших парней, можно сделать'.

При выражении количественной приблизительности в данном говоре регулярно функционирует характерная для русского языка конструкция с инверсией числительного и существительного: *možno řící,*

človjek sedm 'можно сказать, человек семь' (лит. чеш. *asi sedm lidí*); *tam voni mn' esícú řezd bili* 'там они месяцев шесть были'; *kartočná s ístema bila... roki dva, da? nebo roki tři* 'карточная система была... года два, да? или года три'. При именных группах с числительными 2–4 при указании возраста глагол-связка 'быть' употребляется в единственном числе, в прошедшем времени — в форме ср. р.: *dědouškovu bilo dva roki* 'дедушке было два года'; *nejmenší <n> bilo tři roki i djeje leta* 'самым маленьким были три года и два года'; *bilo ji tři leta, babicece moji* 'ей было три года, моей бабушке'; *bilo mu štíri roki* 'ему было четыре года'. В других случаях, однако, сочетания числительных 2–4 с существительными (иногда выступающими в «счетной» форме по русскому образцу), а также числительные выше 5, могут быть согласованы с глаголом-сказуемым как в единственном, так и во множественном числе: *dva sina jako bilo* 'два сына вроде было'; *bilo dva tech... kn' eze* 'было два этих, священника'; *i náz bili na kvartírnu dva mladi oficíra* 'у нас были на квартире два молодых офицера'; *u n' ích bylo štíri kluci i teta Roza, holka jedna* 'у них было четыре парня и тетя Роза, одна девочка'; *tadík po dva človjekí na každej ruce bili — to bilo, vosum človjek tí nosilki nesl'* 'вог тут по два человека с каждой стороны были — это было... восемь человек те носилки несли'.

Наличие в исследуемом говоре большого количества синтаксических конструкций (и даже типов конструкций), заимствованных из русского языка, позволяет говорить о гибридности текстовой организации, о «смешанном» способе построения дискурса. Не последнюю роль в этом играют и специальные текстовые маркеры, не являющиеся конститутивными элементами предложения, но обеспечивающие связность текста, — дискурсивные слова. Данный пласт лексики — важный компонент устной спонтанной речи, каковая является основной областью реализации говора, — в значительной мере заимствован из русского языка. Это слова *nu* (полностью вытеснившее чешское *no* 'ну'), *voť, v obščem, i eto, aha* (последнее — не в чешском значении 'ах вот оно как!') и другие, ср.: *a mn' eli takovej loch — nu, podval se říká, voť* 'и был у них такой подвал — ну, это подвалом называют, воť'; *voť f padesát sídmím roku přijeli, dopuř'ím, voť také* 'воť в пятьдесят седьмом году приехали, допустим, воť так'; *nu v obščem tam sme se schovávali* 'ну в общем там мы прятались'; *nu i to moc sme nemohli, protože sme nem' eli pasporta* 'ну и то мы не очень-то могли, потому что у нас не было паспортов'.

Сказанное позволяет заключить, что языковой контакт, стимулировавший многочисленные языковые изменения в рассматриваемом переселенческом говоре, тем не менее не привел к полной русификации его фонетической и морфологической систем и коренной перестройке грамматически значимых категорий, но вызвал появление большого

числа гибридов — как общих для всего говора, так и присущих отдельным идиолектам. Гибридность реализуется на всех языковых уровнях, являясь следствием активного взаимодействия идиома-реципиента с более активным идиомом-донором. Ситуацию контакта в равной степени характеризуют два противоположных процесса: с одной стороны, адаптация русских по происхождению лексем, т.е. приспособление их к грамматической системе говора, а с другой — наоборот, постепенное разрушение этой системы, сказывающееся в том, что исконная, генетически чешская лексика в нем начинает подчиняться закономерностям русской грамматики, что и ведет к гибридации. Хотя эти процессы протекают одновременно, в разной степени проявляясь как в идиолектах каждого носителя говора, так и в каждой коммуникативной ситуации, тем не менее можно выделить наиболее общие тенденции в области гибридации на системном уровне.

В области фонетики это появление и системное закрепление звуков, изначально не характерных для говора, заимствованных из языка окружения. Они выступают в виде позиционных вариантов с нечеткими критериями дистрибуции, поэтому построение для говора модели звуковой системы в высшей степени условно: фактически она представляет собой совмещение исходной модели с моделью языка окружения.

Словообразовательная гибридация состоит в распространении усвоенных из русского языка деривационных моделей на собственно чешскую лексику, что приводит к уменьшению удельного веса некоторых собственных словообразовательных схем и отдельных формантов (ср. распространение глагольной приставки *po-* ← рус. *по-*) и к преодолению системных или функциональных «запретов» исходного идиома (ср. свободное образование перфективов от модальных глаголов, распространение моделей ограничительных и начинательных способов глагольного действия).

Проявления морфологической гибридности разнообразны. В формальном плане к ним относится заимствование русских флексий, что характерно в первую очередь для субстантивного склонения (адъективное и глагольное словоизменение здесь более гомогенны и близки к исходному состоянию говора). Свободное варьирование флексий ведет фактически к невозможности построения парадигм склонения существительных (либо требует допустить для большинства падежных форм двойное окончание, чешское и русское²). Гибридным устройством ха-

² Двойники придется признать также морфонологические правила сочетаемости основы с окончанием (ср. чешское чередование $k \rightarrow si$ русское $k \rightarrow k'$ перед e в предл. п. ед. ч. существительных ж. р. с основой на $-k$: в *zemělníce* 'в землянке', но (*u*) *tej zemělničky* 'в этой земляночке').

рактируются и целые грамматические категории, например одушевленности — неодушевленности, или их фрагменты (ср. повелительное наклонение), структура которых включает элементы, заимствованные из структуры соответствующей русской категории. Другим следствием гибридации можно считать изменение характера функционирования тех или иных категорий при измененном оформлении их плана выражения (в частности, категорий числа и глагольного вида).

Аналогичные явления прослеживаются на уровне синтаксиса, где наблюдается регулярное калькирование русских конструкций и заимствование средств выражения синтаксической связи (предлоги — ср. особенно *proste* при редком в этом значении исконно чешском предлоге *pro*, который, напротив, широко употребляется в соответствии с рус. *по: mi sme koukali po televizi* 'мы смотрели по телевизору', *na* в сравнительных оборотах типа *na tok starší* 'на год старше' и т.д.; союзы — соединительный *i*, противительный *no* наряду со все еще обычным *ale*, уступительный *choť* и др.).

Все перечисленные проявления фонетической, морфологической и синтаксической гибридации (вкупе с множеством лексических русизмов, которыми говорящие могут практически в любой ситуации заменить генетически чешское слово, даже если оно не утрачено) заставляют трактовать весь исследуемый идиом как образование, тяготеющее к гибридности как на уровне *langue*, так и на уровне *parole*. Характерное для речи носителей говора переклочение и смешение языковых кодов требует рассмотрения не только устройства отдельных грамматических категорий в их эволюции, но закономерностей построения текстов, нередко также реализующихся «по подсказке» русских образцов.

Проанализируем с этой точки зрения следующий контекст: *vona je m' eis 'estra a nemíže se tam n' ihde ustrojít, musí deset let bejt... vejít f to, kerak se to říká... vejít v yražďanstvo — a pak ťi dovejetej práci* 'она медсестра и не может там нигде устроиться, должна десять лет быть... войти в это, как говорят... гражданство — и потом тебе доверят работу'. Данная фраза показательна комбинацией разных гибридов и адаптированных заимствований: это фонетически не адаптированные или лишь частично адаптированные русизмы *m' eis 'estra* с чешским ударением на первом слоге, *yražďanstvo* с сохранением русского места ударения и южнорусского веларного согласного [ʝ] (при том, что другой участник разговора, муж информантки, подсылая ей это слово, заменил южнорусский [ʝ] чешским глотальным [h]), морфологически адаптированные русизмы — глагол *ustrojít'sya*, оформленный как чешский рефлексив *ustrojít se* с отделимым возвратным компонентом, и глагольная форма *dovejetej* (потенциальный инфинитив, очевидно, имел бы вид *dovejít* ← рус. *до-*

верить), калькированная русская конструкция *войти в гражданство* и употребление местоимения *ty* (в краткой форме дат. п.) в обобщенно-личном значении, которое хотя и возможно в чешском узусе, но в данной фразе, несомненно, является функциональным синтаксическим русизмом.

Именно релевантность гибридных образований как для системно-категориальной, так и для дискурсивной, речевой сфер реализации северокавказского чешского говора позволяет считать понятие «гибридность» одним из ключевых для адекватного описания функционирования этого идиома в его сегодняшних социолингвистических параметрах.

Литература

- Ананьева 2013 — Ананьева Н. Е. Типология польских говоров Сибири и результаты их контактов с русским идиомом // Славянские языкознание. XV Международный съезд славистов. Минск, 2013. Доклады российской делегации / Отв. ред. А. М. Молдован, С. М. Толстая. М., 2013.
- Ахманова 1966 — Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
- БСЭ 1971 — Большая советская энциклопедия. Изд. 3 / Гл. ред. А. М. Прохоров. Т. 6. М., 1971.
- Виноградов 1986 — Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. Изд. 3. М., 1986.
- Гавранек 1972 — Гавранек Б. К проблематике смещения языков // Новое в лингвистике. Вып. VI. Языковые контакты / Сост., ред., вступ. ст. и ком. В. Ю. Розенцвейга. М., 1972.
- Головки 2007 — Головки Е. В. Контактные языки // Большая российская энциклопедия / Гл. ред. Ю. С. Осипов. Т. 7. М., 2007.
- Лекант 2007 — Лекант П. А. Гибридные слова и гибридные части речи // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». 2007. № 1.
- Мартина 1972 — Мартина А. Распространение языка и структурная лингвистика // Новое в лингвистике. Вып. VI. Языковые контакты / Сост., ред., вступ. ст. и ком. В. Ю. Розенцвейга. М., 1972.
- Скорвид 2013 — Скорвид С. С. Говор потомков чешских переселенцев на Северном Кавказе как пример лингвоареального дрейфа // Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов. Минск, 2013. Доклады российской делегации / Отв. ред. А. М. Молдован, С. М. Толстая. М., 2013.
- Скорвид 2014 — Скорвид С. С. Чешские переселенческие говоры на Северном Кавказе и в Западной Сибири // Славяноведение. 2014. № 1.
- Скорвид, Поляков 2013 — Скорвид С. С., Поляков Д. К. О проницаемости грамматической системы в ситуации межязыковой интерференции в говоре потомков чешских переселенцев на Северном Кавказе // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 16. Грамматика славянских диалектов. Механизмы эволюции. Утрапы и инновации. Историко-типологические явления / Отв. ред. Л. Э. Калнынь. М., 2013.
- Смирнов 1988 — Смирнов Л. Н. Опыт характеристики тенденций демократизации и интернационализации в современных славянских литературных языках // Функционирование славянских литературных языков в социалистическом обществе / Отв. ред. Л. Н. Смирнов. М., 1988.

- Смирнов, Стрекалова 1986 — Смирнов Л. Н., Стрекалова З. Н. К сопоставительному изучению гибридных словосложений в современных славянских литературных языках // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков / Отв. ред. Г. П. Нецименко. М., 1986.
- Хентшель 2013 — Хентшель Г. Белорусский, русский и белорусско-русская смешанная речь // Вопросы языкознания. 2013. № 1.
- Bakker, Mous 1994 — Mixed languages: 15 case studies in language interwinning / Eds. P. Bakker, M. Mous. Amsterdam, 1994.
- Formacje 1986 — Formacje hybrydne w językach słowiańskich / Pod red. S. Warchoła. Lublin, 1986.
- Martincová, Savičský 1987 — Martincová O., Savičský N. Hybridní slova a některé obecné otázky neologie // Slovo a slovesnost. 1987. С. 2.
- Martinet 1952 — Martinet A. Diffusion of Language and Structural Linguistics // Romance Philology. 1952. № 1.
- Matras, Bakker 2003 — The Mixed Language Debate: Theoretical and Empirical Advances / Eds. Y. Matras, P. Bakker. Berlin, 2003.